

Цзян Ци стоял у порога. Шторы в комнате не были раздвинуты, в воздухе витала пыль.

Он так и стоял на месте, опустив взгляд, и молча смотрел на погруженное во мрак помещение.

Всегда улыбчивый и балагурный Цзян Ци на этот раз на удивление затих, и система почувствовала некоторое беспокойство.

— Сестрица, сегодня утром кто-нибудь отсюда уходил?

Проходившая мимо санитарка неожиданно услышала его оклик, а затем, обернувшись, увидела его лицо, отчего в ее глазах мелькнул ослепительный блеск.

— Сестрица, — заметив, что та молчит, Цзян Ци не удержался и повторил вопрос: — Сегодня утром кто-нибудь отсюда уходил?

— Это же детский приют, здесь постоянно кто-то приходит и уходит, это нормально, — махнула рукой санитарка и с досадой вздохнула.

— Детский... детский приют? — Цзян Ци шумно втянул воздух и, широко распахнув глаза, переспросил.

Чжан Цилин! Сам ты ребенок! И вся твоя семья дети! Этот молодой господин уже совершеннолетний!

Цзян Ци заявил, что никогда еще не подвергался столь вопиющему унижению!

Система, сидевшая перед экраном, тоже услышала слова санитарки и на мгновение растерялась.

Какой еще детский приют? Что за интересное зрелище она упустила?!

— Ой, — удивилась санитарка. — Малыш, неужели ты не знаешь? Это же специальное прибежище для сирот.

Некий ребенок-сирота Цзян Ци: *****

Заметив мрачное выражение на его лице, санитарка подумала, что этот парень, скорее всего, не знает, что его бросила собственная семья.

Она протянула руку, похлопала Цзян Ци по плечу, и ее лицо озарилось материнской нежностью:

— Ничего страшного, забудь этих людей, считай это место своим домом.

Перед уходом она не удержалась и тихо вздохнула:

— Такой красивый парень, и как только у его родных хватило совести бросить его... Насколько же слепыми надо быть...

Чжан Цилин, у Которого после отправки Цзян Ци внезапно «зачесалось» в затылке: к чему это у меня спину холодом обдало?

Некий брошенный ребенок-сирота Цзян Ци: Чжан Цилин, чтоб тебя...

Не найдя ответа и не желая больше ломать голову — всё равно ничего не придумаешь, — система решила пойти простым путем.

Например, задонатить и посмотреть запись.

Она немного повозилась с настройками, картинка на экране начала меняться, постепенно раскрывая ход событий.

Всё началось в тот момент, когда Цзян Ци выбирал одежду, а Чжан Цилин стоял снаружи, прислонившись спиной к стене.

Нахмутив брови, он думал о чем-то своем, а его холодный взгляд был прикован к Цзян Ци, вокруг которого суетились продавцы.

На его обычно отрешенном лице проступило редкое выражение нерешительности.

Вскоре после этого Чжан Цилин зашагал прочь из магазина и затерялся в толпе.

Спустя долгое время он остановился у ворот какого-то приюта. Да-да, именно приюта.

Ветхое, старое здание пряталось среди сорной травы в человеческий рост. Легкий ветерок колыхал воздух, казалось, пропитанный запахом гниющего дерева.

Он на мгновение засомневался и даже сделал два шага вперед, но резкий писк заставил его рефлекторно отступить.

По его ботинку промелькнуло что-то пушистое, и, опустив взгляд, он увидел крышу размером с человеческую ладонь, которая суетливо улепетывала во все стороны.

Оглядевшись по сторонам, он понял, что этот заброшенный приют опустел, судя по всему, в последние несколько лет.

Поразмыслив с полсекунды, Чжан Цилин решил покинуть это мрачное место.

Он уже было поднял ногу, но вдруг замер — его внимание привлек облезлый дорожный указатель.

Краска на знаке выцвела, но буквы все еще можно было разобрать.

Перенесено на один километр от Цзюцюй-Лу.

Без крайней необходимости не беспокоить (за исключением заблудившихся детей).

Просматривая ракурс, система увидела эту надпись, ее рука замерла, а на душе скребли кошки.

Заблудившиеся дети...

Система долго смотрела на слова вывески, потеряв счет времени, пока силуэт на экране окончательно не растворился.

— Нашелся! — раздался детский голосок, и система испуганно вздрогнула от неожиданности.

— Система? Система?! — яростный голос Цзян Ци эхом прокатился по пространству.

Система торопливо переключилась на обзорную камеру рядом с Цзян Ци и растерянно спросила:

— Что случилось?

— Где Чжан Цилин?! — в гневе выпалил Цзян Ци, направляясь к выходу.

И тут раздался шлепок, будто он врезался во что-то, а нога вдруг стала тяжелой.

Цзян Ци опустил взгляд и увидел худощавого ребенка, который вцепился в его штанину и снизу вверх смотрел на него огромными глазами.

Глаза у малыша были непривычно большими, что выглядело странно на его изможденном, заострившемся лице.

— Братик! — звонко выкрикнул мальчик. — Братик, ты такой красивый!

Цзян Ци посмотрел на мальчишку, в мертвой хватке вцепившегося в его ногу, и замер, боясь шевельнуться.

Ребенок был до ужаса тощим, его пальцы впивались в ногу так сильно, что казалось, будто под кожей одни кости.

Если он сейчас пошевелится, не развалится ли этот малыш от одного толчка его колена?..

Его голос невольно смягчился:

— Малыш, умница, отпусти сначала, хорошо?

Где-то вдалеке слышался голос санитарки, Цзян Ци не расслышал слов, но, скорее всего, это было имя мальчика.

Маленький мальчик поднял на него свои черные глаза и, словно почувствовав его растерянность и беспомощность, не удержался от улыбки.

— Братик, люди здесь очень хорошо ко мне относятся! Даже лучше, чем папа с мамой!

В этот момент санитарка подбежала ближе и заботливо набросила на плечи ребенка куртку.

— Ты позавтракал? Выбежал на улицу и даже толком не оделся, а если простудишься... — санитарка кивнула Цзян Ци и, продолжая ворчать, повела мальчика за собой.

Цзян Ци проводил их взглядом, а в ушах все еще звучал мягкий, полный печали голос женщины.

— Все эти дети — сироты, у которых нет дома, или те, у кого вроде бы есть семья, но возвращаться туда нельзя.

Цзян Ци слегка скосил глаза: женщина все еще была в фартуке, на пальцах блестели капли воды — судя по всему, она только что оставила кухню.

Сама она была некрасивой, скорее даже пожилой, но в уголках ее глаз легли лучики добрых морщинок, излучавших нежный свет.

Ее руки были грубыми, какими их сразу видишь невооруженным глазом, а на суставах пальцев желтели мозоли.

Цзян Ци, всегда ценивший внешность, на этот раз почему-то не почувствовал ни отвращения, ни презрения.

Ему просто показалось, что пейзаж за окном прекрасен: лучи солнца мягко золотились в листве, а легкий ветерок овеивал лицо.

Так же тепло и прекрасно, как и этот человек.

— Малыш, — женщина посмотрела на него и мягко посоветовала: — Нужно смотреть вперед, нельзя вечно жить прошлым.

Цзян Ци помолчал немного, догадываясь, что Чжан Цилин, должно быть, напел женщине с три короба.

Но... в общем-то, он ведь и правда неплохой человек.

— Что тебе напел тот тип? — потеряв переносицу, с досадой спросил Цзян Ци.

Взгляд женщины забегал, избегая смотреть на него, и после минутного колебания она отмахнулась:

— Он сказал, что ты хороший мальчик.

Словно боясь, что он не поверит, она добавила:

— Сказал, что ты очень послушный и славный ребенок.

Цзян Ци: ...

Уж кто-кто, а Чжан Цилин такого точно не говорил! Клянусь его человеческим достоинством!

Система: Ты с таким жаром клянешься, но в качестве залога используешь чужое достоинство — у тебя вообще совесть есть?

Не успел он в прошлый раз снести голову паршивцу Чжоу, как, обернувшись, обнаружил, что того и след простыл.

А когда он его отыскал... Тьфу, выражение лица у него было темнее тучи.

И это называется «послушный»? Где он послушный, вечно куда-то несется! Скорее, сплошное

наказание.

Система: А у тебя, смотрю, самокритика на высоте, хи-хи~

<http://bllate.org/book/19068/1872838>